

НАИМЕНОВАНИЯ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ В РУССКИХ ГОВОРАХ ОДЕСЩИНЫ

(К проблеме взаимодействия славянских языков
и говоров)

Л.Ф. Баранник (Одесса)

Русские говоры Одесщины заслуживают особого внимания в связи с тем, что около 200 лет находятся в отрыве от основного языкового массива, от "материнских" южнорусских диалектов в условиях тесного непосредственного контактирования с соседними украинскими, болгарскими и молдавскими говорами. Изучение русских островных говоров, функционирующих в разноязычной и разнодиалектной среде, дает интересный материал не только для диалектологии и истории русского языка, но и для решения важной общезыковой проблемы взаимовлияния, взаимодействия территориально смежных языков и говоров, проблемы межъязыковых и междиалектных контактов, чрезвычайно актуальной в наше время. Особого внимания при этом заслуживает лексика, ибо она является самым подвижным и проницаемым ярусом языковой системы.

Русские говоры Одесской области представляют значительный интерес своими специфическими лексическими особенностями, которые возникли вследствие непосредственных языковых и диалектных контактов разных народов, населявших ранее и населяющих теперь эту территорию. Особенно тесны и продолжительны на территории Одесщины контакты между славянами: русскими, украинцами и болгарами. Тесные экономические, культурные и бытовые связи между русскими, украинцами и болгарами оказали благотворное влияние на развитие и взаимообогащение лексического состава славянских говоров Одесщины, особенно бытовой и сельскохозяйственной лексики, в частности, ЛСГ "наименования домашних животных". Русские говоры Одесской области содержат богатый, разнообразный и интересный материал по данной группе лексики. Объясняется это не только сохранением в исследуемых говорах древних, исконных (литературных и диалектных) лексем, но и наличием в этой ЛСГ большого количества иноязычных слов, заимствованных русскими у соседей: украинцев, болгар, молдаван.

Как показывает анализ, многие наименования домашних животных, бытующие в русских говорах Одесщины, являются общеизвестными, распространенными на всей русской территории. Это слова общеславянского и восточнославянского происхождения: *баран, бык, боров, конь, кобыла, корова, жеребенок, теленок, кляча, овца, ярка* (Трубачев, 1960,

с.3-114). Южнорусизмами, воспринятыми от “материнских” говоров, являются лексемы: *бугай* “племенной бык”, *третьяк* “конь по третьему году” и “бык по третьему году”, *теллица*, *тёлка*, *нётель* “молодая, еще не телвившаяся корова”, *яловка* “яловая, нетелвившаяся корова”, *лошенок* “жеребенок до года”, *годовик* “годовалый жеребенок”, *кнур* “кладеный кабан”, *хряк* “нехолощенный кабан”, *ва́лук*, *валушк* “кладеный баран”, *поросё* “поросенок” и др. (Даль, СРНГ).

Из украинского языка и его говоров русские переселенцы заимствовали общие наименования домашних животных и скота *тварына*, *худба*, а также слова *гуч* “жеребец в возрасте двух лет”, *лошй*, *лошйца* “молодая лошадь”, *шкэпа* “кляча”, *невдрка* “овца в возрасте двух лет” (ср. укр. *нівора* “овца с первым ягненком, молодая овца”), *пёрвостка* “впервые отелившаяся корова” (ср. укр. *пёрвістка*), *лэха* “свинья, оставленная на откорм” (ср. укр. *льоха*), *цап* “козел”, *пацук* “поросенок”, из болгарских говоров — *коч* “баран, оставленный на племя”, *хазман* “холощенный баран”, *двён* “кастрированный баран”, *магарь* “осел”. Из молдавского языка и его говоров русские восприняли лексемы: *нелляпка* “корова, отелившаяся раньше трех лет”, *цыгяя*, *цыгяйка* “тонкорунная овца с мягкой шерстью”, *парняя*, *парняйка* “грубошерстная овца”.

Русским переселенческим говорам, как и говорам основного диалектного массива, присуща разветвленная детализация наименований домашних животных в зависимости от возраста, пола, функций в хозяйстве, цвета и качества шерсти и т.п. Причем вследствие наличия в островных говорах, функционирующих в разноязычном окружении, многочисленных заимствованных наименований детализация животных в них более дробная, чем в говорах “материнских”, материковых. Сравните, к примеру, зафиксированные в русских говорах Одесщины слова, отражающие возрастную дифференциацию лошадей: южнорусизмы *сосунк* “жеребенок, сосущий матку”, *лошенок* “жеребенок до года”, *стригун*, *стригунк* “жеребенок в возрасте одного года”, *годовик* “годовалый жеребенок”, *третьяк* “трехлетний конь” (Даль, СРНГ), украинизмы *лошй*, *лошйца* “молодая кобыла, которая еще не жеребилась” (Гриценко, с.21), *гуч*, *гучик* “двухлетний жеребец” (Дзендзелівський, с.323, Дроздовский, с.239).

Детализированы по возрасту в русских говорах Одесщины и названия крупного рогатого скота. Среди слов, употребляемых для возрастной дифференциации коров, выделяются русские литературные и диалектные: *тёлка*, *телушка*, *теллица*, *нётель* “молодая, еще не телвившаяся корова”, *первица*, *первачка* “корова, отелившаяся первый раз” (Даль, т.III, с.30). Примечательно, что в этом же значении в русских говорах Одесщины более широко употребляется заимствованное из соседних украинских говоров *пёрвосточка* (ср. укр. *пёрвістка*, ум.

пёрвосточка (Гринченко, т.III, с.107; Гриценко, с.27). Корову, отелившуюся рано, до трех лет, русские переселенцы называют *нелляпка*, *нелляпочка*. Лексема *нелляпка* заимствована у молдаван (ср. молд. *неляпкэ*). Слово *нелляпка* “корова, которая впервые отелилась несвоевременно, на сезон раньше” известно и соседним украинским говорам, куда оно попало из молдавских. (Дроздовский, с.239; Гриценко, с.27).

Различают русские поселенцы в зависимости от возраста и названия овцы. Овца по первому году, еще не ягнвившаяся, обозначается унаследованным из южнорусских говоров словом *ярка* (ум. *ярочка*) (Даль, т.IV, с.680), южнорусским в исследуемых говорах является также номен *перяйка* “годовалая овца” (Даль, т.III, с.100). Слово *невдрка* “овца в возрасте двух лет” заимствовано русскими из украинских говоров (ср. в укр. гов. Одесщины *нівдра* “овца с первым ягненком” (Дроздовский, с.239; Гриценко, с.17).

Детализированы названия домашних животных и по их использованию в хозяйстве, по их основным хозяйственным функциям: *хряк*, *кнур* “нехолощенный самец свиньи, производитель”, *газман* (*хазман*) “холощенный баран”, *коч* “баран, оставленный на племя”, *двён* “кастрированный баран, оставленный на мясо” и т.п.

Проникновение заимствований в исследуемую ЛСГ, как правило, объясняется издавна свойственной говорам тенденцией к детализации, дифференциации названий домашних животных в зависимости от важных с точки зрения крестьянского хозяйствования признаков. Стремлением к конкретизации, детализации более общего понятия объясняются такие заимствования из украинских говоров, как *гуч*, *гучик* “двухлетний жеребец”, *пёрвосточка* “впервые отелившаяся корова”, *лошй*, *лошйца* “молодая кобыла, которая еще не жеребилась” и др., из молдавских — *нелляпка* “корова, отелившаяся раньше трех лет”, *цыгяя*, *цыгяйка* “тонкорунная овца с мягкой шерстью”, *парняя*, *парняйка* “грубошерстная овца”, из болгарских — *коч* “баран, оставленный на племя”, *газман* (*хазман*) “холощенный баран”, *двён* “кастрированный баран, оставленный на мясо”.

Вместе с новым понятием, ранее неизвестным русским переселенцам, в русские говоры из болгарских вошло слово *магарь*. Русское соответствие *осел* местные жители не употребляют.

Все заимствованные слова претерпевают на русской почве разнообразные фонетико-морфологические преобразования, некоторые — семантические.

В заимствованиях происходит сужение и, напротив, расширение значений, при этом чаще отмечается сужение смыслового объема многозначного в языке-источнике слова, то есть заимствование слова не во всех, а только в некоторых или чаще в одном значении, причем в самом конкретном. Это общезыковая закономерность. Известный фран-

цузский исследователь Доза подчеркивает: "В подлинных заимствованиях наиболее замечательное семантическое явление — это специализация значений". (Доза, 1956, с.138). Это наблюдается при освоении заимствований как из близкородственного, восточнославянского, украинского языка, так и из южнославянского, болгарского. Ср. укр. *пёрвістка* (ум. *пёрвісточка*) — 1. "первенец женского пола", 2. "родившийся первый раз", 3. "первый раз отелившаяся корова" (Гринченко, III, с.107), в русских говорах *первосточка* употребляется только для наименования впервые отелившейся коровы.

Из болгарских говоров только в одном из своих значений в русские говоры вошло многозначное *магаре*, освоенное русскими в форме *магарь*. В русских говорах сущ. м. рода *магарь* — "осел", в болгарских сущ. ср. р. *магаре* не только "осел", но и переносное, пренебрежительное "тупица, болван" (о человеке), а также "кобылка на скрипке" и "козлы для пиления дров" (СЧ, с.373). Слово *магарь* "осел" знакомо также соседним украинским говорам. Как иностранное оно зафиксировано А.А.Москаленко в словаре диалектизмов украинских говоров Одесской области (1961, с.49). Бытует слово *мэгар* и в молдавском и румынском языках. В молдавском *мэгар* — "осел" (МРС, с.402), в румынском *măgar* "осел" и перен. "тупица, болван" (РумРС, с.402). Однако широкая многозначность слова *магаре*, наличие большого количества производных от него в болгарском языке дают основание предполагать, что оно является в болгарском укоренившимся, более древним, чем в молдавском и румынском. Вероятно, именно из болгарского оно было заимствовано носителями молдавского и румынского языков, украинских и русских говоров Одесской области.

Наряду с сужением смыслового объема иноязычных, инодиалектных полисемантических слов, с закреплением их лишь в одном из своих значений, наблюдается, правда, гораздо реже сужение семантики заимствований в результате конкретизации в русских говорах понятий, обозначенных этими словами. Из болгарских говоров с более узким, конкретизированным значением в русские говоры вошло слово *хазман*, (*газмán*). *Газман* (*хазман*) в исследуемых говорах "холощенный баран", в болгарских *хазман* "всякое кастрированное животное" (ТВШ, с.96).

Иногда при усвоении иноязычных слов наблюдается контаминация. Контаминируют обычно два слова с одинаковыми значениями, близкие по своему звучанию, по своей морфологической структуре. В качестве взаимодействующих элементов при контаминировании выступает, с одной стороны, местное, с другой — близкое ему по звучанию и значению иноязычное слово. В результате лексической контаминации образуются новые слова или новые формы слов. Так, южнорусское *кутёнок* "щенок" в результате контаминации с украинским *цуценя* в том же значении видоизменилось в *куценёнок*.

Отмечены случаи, когда от корней заимствованных наименований домашних животных по словообразовательным моделям, характерным для русских говоров, образуются производные слова. Так, на базе заимствованного у болгар *магарь* "осел" в русских говорах образованы *магарьца* "ослица", *магарёнок*, *магарёночек* "детеныш ослицы", *магарята*, *магарятки* "ослятки", а также глагольные экспрессивы *магарить*, *магарничать* "тяжело работать" и производные от них *помагарить*, *помагарничать*.

Взаимодействие исконных, южнорусских слов с русскими литературными и заимствованными из соседних языков и говоров приводит к появлению в переселенческих говорах большого количества дублетов и синонимов: *баран* — *двён* — *газмán* (*хазман*) — *коч*; *магарь* — *осел*; *кутёнок* — *щенок* — *куценёнок* — *цуценя*; *козел* — *цап*; *телка* — *телицца* — *телушка* — *нётель*; *свинья* — *лэха* и др.

Анализ дублетных наименований показывает, что они, как правило, являются только смысловыми дублетами, дублетами по значению, отличаясь друг от друга степенью и сферой употребления.

По степени употребительности компонентов в группе дублетов, состоящих из заимствованных и русских слов, выделяются, во-первых, дублеты с преобладанием в употреблении русского компонента: *баран* — *двён*, *козел* — *цап*, *свинья* — *лэха*, *поросенок* — *поросё* — *пацёк*, во-вторых, дублеты с более употребительным заимствованным, украинским или болгарским компонентом: *пёрвосточка* — *первачка* — *первица*, *шкáпа* — *кляча*, *магарь* — *осел*.

Обычно местные жители дают оценку дублетам как "старым" или "новым", "чужим" или "своим" и т.п. В результате такой стилистической дифференциации появляются стилистические синонимы.

Заимствованные наименования домашних животных, несомненно, обогащают лексико-семантическую систему русских переселенческих говоров. Они позволяют конкретизировать некоторые общие понятия, разграничить оттенки значений, обогащают местную синонимику.

Литература

- Гринченко Б. Словарь украинского языка, т.I-IV. — Киев, 1907—1909.
Гриценко П.Ю. Моделирование системы диалектной лексики. — Київ: Наукова думка, 1984.
Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка, т.I-IV. — Москва, 1955.
Дзендзелівський Й.О. Українські говори Нижнього Придністров'я. Канд. дисертація (рукопис), частина I. — Одеса, 1951.
Доза А. История французского языка. — Москва, 1956.
Дроздовський В.П. Спостереження над сільськогосподарською лексикою українських говірок Татарбунарського, Тузлівського і Саратського

районів Одеської області /Праці Одеського державного університету ім. І.І.Мечникова, т.148, вип.ІІ. — Одеса, 1958.

Москаленко А.А. Словник діалектизмів українських говірок Одеської області. — Одеса, 1961.

Трубачев О.Н. Происхождение названий домашних животных в славянских языках: (Этимологические исследования). — Москва: Наука, 1960.

Список сокращений

МРС Молдавско-русский словарь. — Москва, 1961.

РумРС Румынско-русский словарь /Под ред. Б.А.Андрианова и Д.Е.Михальчи. — Москва, 1953.

СРНГ Словарь русских народных говоров /Под ред. Ф.П.Филина. — М.; Л.: Наука, 1965-1991. Вып.1-26.

СЧ С.Чукалов. Българско-руски речник. — София, 1957.

ТВШ Т.В.Швецова. Материалы для словаря болгарских говоров СССР. Словарь говора села Твардицы МССР. Вып.2 — Москва, 1952.